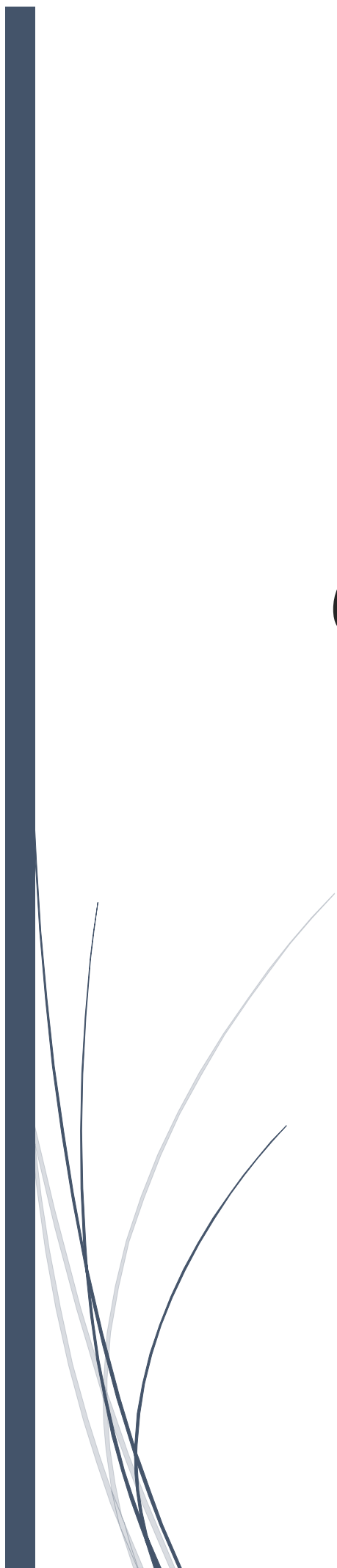

Михаил Нагирняк

Евнух

*царицы
эфиопской*

Михаил Нагирняк

Евнух

*царицы
эфиопской*

2020 г

Евнух царицы эфиопской

Евангельская история. Рассказ.

Михаил Павлович Нагирняк

2020 год.

I

Иерусалим. Во дворе гостиницы метушятся заспанные слуги. Утро началось с суеты. Один из постояльцев гостиницы повелел собираться в дорогу. Сам он еще ранним утром с несколькими слугами ходил к храму и вернулся с каким-то свитком в руках. Наверное, это была дорогая книга, если ее нес не слуга, а он сам.

Хозяина звали Йэкуно – евнух Кандакии, царицы Эфиопской. При дворе царицы он считался весьма важной персоной – был хранителем царских сокровищ. Нынешняя его поездка не была официальным визитом. Была какая-то причина, из-за которой он выпросился у царицы и приехал в Иерусалим. Об этом можно было только предполагать, но сам он целей своей поездки не раскрывал.

Слуги, укладывая вещи, нехотя переговаривались между собой: что-то наш хозяин расстроен и сильно не в духе. Странно, что сюда он ехал в приподнятом настроении, незаметная улыбка появлялась на его лице, и он не мог скрыть какого-то нетерпения, хотя внешне его смуглое лицо казалось невозмутимым.

Смуглым был он сам, и смуглыми были почти все, кто его сопровождал. Да и само слово «эфиоп» имеет значение «опаленноликий». Таким был и он, словно опаленный жарким африканским солнцем.

Среди слуг всегда есть такие, которые почему-то знают больше других. Такие всезнающие были и среди слуг Йэкуно. Откуда-то они узнали, что он приехал в Иерусалим, чтобы посетить Иерусалимский храм, но туда его не пустили, из-за того, что он евнух. Оказывается, по законам храма, евнухам нельзя заходить в храм. По-видимому, это и было той причиной, из-за которой они теперь спешно собирались в дорогу. Но вот зачем он хотел быть в храме, это было непонятно всем. А все предположения не имели никакого подтверждения.

Сборы закончились, и вся процессия двинулась в путь. Дорога будет длинная, и за это время можно будет о многом подумать и многое вспомнить. И, может быть, со временем придет какое-то успокоение,

потому что сейчас Йэкуно был сильно расстроен, как бы ни пытался это скрыть. Внутри себя он испытывал не просто расстройство. То, что Йэкуно сейчас переживал, было полным отчаянием. Все, на что он так надеялся, рухнуло и снова перед ним стояла давящая бесцельность его жизни.

Йэкуно и не заметил, как они выехали из Иерусалима и остановились на развилке двух дорог. Обе вели в Газу – одна была оживленной, а другая уже почти не использовалась и ее просто называли «пустой дорогой». Слуги собирались двинуться дальше по дороге, по которой сейчас обычно шли все путники, но решили, на всякий случай, спросить хозяина куда свернуть. Однако Йэкуно велел повернуть на пустую дорогу.

Так бывает, когда нет покоя на душе, хочется быть там, где никто тебя не будет трогать. Огорченной душе нужно время, чтобы отчаяние сменилось желанием понять, что же происходит на самом деле. Не все могут перейти от отчаяния к размышлению. Некоторые всю жизнь могут думать только о своей трагедии, но другие, после вопросов: «за что?» и «почему?», переходят к здравым – «для чего?» и «с какой целью?».

Для Йэкуно сейчас же был только один вопрос: «почему?». Почему не пустили в храм, почему он евнух, почему для него нет не только будущего, но и настоящее не имеет никакого смысла?

Колесница медленно спускалась по дороге от Иерусалимских гор к прибрежной равнине. Слуги следовали следом, по пути рассматривая живописные окрестности, однако у самого Йэкуно не было никакого желания отвлекаться на картины природы. Вместо этого в памяти незаметно всплыл один давний эпизод из далекого детства, и заставил вздрогнуть его сердце. По правде, именно этот эпизод все чаще приходил ему на память, и именно это воспоминание и привело его в Иерусалим.

На этой дороге далекое прошлое снова постучалось в его сердце и он, незаметно для себя, погрузился в историю своей жизни.

II

Имя Йэкуно дала ему мать, но это было так давно, что события детства давно уже не приходили ему на память. Жизнь была полностью

заполнена заботами при дворе и в гареме царицы. На воспоминания не оставалось времени, да и особого желания на это у него не было. Но сегодня придворные заботы и гарем отошли в сторону. Перед ним ожили картины его жизни и Йэкуно углубился в свою историю.

Самые ранние воспоминания были связаны с беззаботным детством. Вспомнились родители. Но как-то смутно. За прожитые годы он уже их почти и забыл. А другие картины детства оживали, как будто это было вчера.

Жили они неподалеку от города Бахр-Дара, где берут начало водопады Голубого Нила, низвергающиеся с высоты сорока пяти метров. Ниже водопада река течет по глубокому ущелью. В тридцати километрах выше от водопадов раскинулось озеро Тана, усеянное крохотными островками. Говорят, что этих островков двадцать восемь. А из этого озера вытекает Голубой Нил.

У Йэкуно была подружка. Ее звали Македа. Она хвалилась, что ее так называли в честь Македы, царицы Савской. А еще она любила повторять, что ее имя значит «огненная». Македа и правда цветом своего лица была похожая на огонь.

Йэкуно нравилось с ней гулять, и они часто, когда была возможность оторваться от домашних забот, прибегали к водопадам Голубого Нила и как замороженные смотрели на падающие потоки воды. Тогда величие вселенной поглощало их своей бесконечной глубиной. Казалось, что все вокруг отступало куда-то далеко-далеко. Чаще всего они уходили отсюда только тогда, когда родители начинали звать их домой.

Селение, в котором они жили, было достаточно большое, хотя все дома, в основном, были круглыми глинобитными хижинами, покрытыми либо травой (обычно это тростниковая солома), либо пальмовыми листьями. Такие хижины можно построить за несколько дней. В этом селении был даже свой молитвенный дом. И еще у них был свой кес, священник по-местному. В молитвенном доме по субботам собирались все жители селения.

При молитвенном доме также была школа, где училась местная детвора. По крайней мере те дети, которых в школу посылали родители. Школа и религия были очень тесно связаны. На занятиях ученики учились

грамоте, распевая псалмы Давида. Считалось, что так лучше усваивается урок. Как бы там ни было, Йэкуно нравилось учиться, и он показывал себя способным учеником. Что, собственно, и помогло ему уже намного позже.

Детям нравилась суббота. Работать не нужно было, а в молитвенном доме было даже весело. Собравшиеся, когда пели псалмы, иногда пританцовывали. Как когда-то Давид.

А еще им нравилось, когда кес рассказывал разные истории: историю о том, как Македа, царица Савская ездила в Иерусалим к царю Соломону и потом привезла иудейскую веру в эту местность, или о том, как Менелик, сын царицы Савской и Соломона, тоже ездил к отцу в Иерусалим и оттуда увез скрижали завета. Так об этом, по крайней мере, говорят предания.

Кес рассказывал, что в Аксуме есть Часовня Завета, где, по этому же преданию, хранятся скрижали завета. И теперь в каждом храме есть маленькая копия ковчега, который называется Табот, как связь между храмом Соломона и каждым эфиопским храмом. В эту часть храма, как и в иудейскую Святое святых, запрещен вход всех посторонних, кроме кеса и его диаконов.

Считается, что со времени царствования Менелика и исповедуют в Эфиопии иудейскую веру и соблюдают субботу.

В эту субботу Йэкуно в молитвенный дом не пошел, ему пришлось работать дома. Он развешивал на деревьях траву. Это из-за климата. Чтобы трава высохла, ее нужно обязательно развесить. Таким обычно занимаются подростки. Это делал и Йэкуно.

Когда же потом прибежала Македа, он стал расспрашивать ее о том, что рассказывал кес. Македа принялась увлеченно передавать то, что слышала в молитвенном доме. Она говорила, что кес читал пророка Исаию, а потом говорил, что Бог ищет человека, который потерялся. Последние ее слова так рассмешили Йэкуно, что он долго не мог успокоиться и раз за разом повторял: Бог меня ищет, а я и не терялся, а я и не терялся. Почему-то ему это казалось очень смешным.

Скоро этот эпизод забылся, но только на время, чтобы потом вспомниться с новой остротой. Другие периоды его ранней жизни не оставили в памяти таких заметных следов.

III

Бедно жили люди, живущие в селении, бедно жили и родители Йэкуно. Горы и пустынные холмы с цветущими папоротниками да деревья – таким был окружающий селение пейзаж. Земля каменистая и обрабатывали ее с помощью быков, а иногда и коров. Так было всегда. Тяжелый труд и скудная пища. Когда урожай был плохой, то приходилось голодать. Труднее всего тогда приходилась семьям, где было много детей. А семья Йэкуно была именно такой.

В тот год снова был неурожай. Некоторые семьи оставляли свои дома и куда-то уходили. А куда уходить, если везде ожидал голод? Пришла нужда и в дом родителей Йэкуно. Все чаще приходилось ложиться спать голодными. Дети знали, что в доме еды нет, но кушать хотелось так сильно, что они, прежде чем уснут, тихонько плакали. Родители больше детей понимали, что такое голод, но у них не было другого выхода, как только надеяться, что каким-то образом проживут до следующего урожая.

Тогда-то и появились в селении люди из столицы. Они предлагали семьям, у которых были красивые дети, продать их, чтобы они были евнухами в гареме царицы. При этом они рассказывали, что в одном из селений одна семья согласилась и им дали за это деньги, на которые они даже купили быка, что сразу сделало их зажиточными жителями того селения. Да и их ребенок теперь живет в хороших условиях, сыт и одет.

Когда эти люди пришли с таким предложением к родителям Йэкуно, то мама сильно плакала, а отец ссутулился и как-то почернел. Он с отчаянием смотрел на Йэкуно, который был старшим, и на других меньших детей. В глубине сердца отец понимал, что если не принять этого предложения, то все остальные дети умрут от голода, да и они сами вряд ли смогут выжить – до следующего урожая еще так далеко.

IV

Столичные гости уезжали из селения и с ними уезжали трое мальчиков – три семьи согласились продать своих детей.

В памяти Йэкуно смутно мелькнули залитые слезами глаза матери и осунувшееся лицо отца, но он и его товарищи вскоре переключились на рассматривание окрестностей дороги и на мысли о своем будущем, которое, в отличие от их родителей, казалось им очень привлекательным.

Дорога была достаточно длинной, но она их не смущала. Тем более, что они не шли пешком, а ехали на колеснице. Кроме того, их кормили. А это после голодных дней было так приятно. О другом они не думали, да и не знали, что их ждет.

Наконец они приехали в Мероэ. Это была столица Мероитского царства. Большой город своим шумом и размерами оглушил Йэкуно. Он еще никогда не видел столько людей. У многих лица не были такими, как у эфиопов. Здесь можно было видеть и светлых и черных людей. И все они куда-то спешили. Это было совсем не так, как в родном селении.

Новые хозяева ребят торопились во дворец. Им нужно было отчитаться перед главой евнухов о своих покупках. Вообще-то это было не очень приятно – ребят раздели и долго их ощупывали, и рассматривали. Наконец глава удовлетворенно хмыкнул и велел готовить к операции.

Йэкуно и его товарищей отвели в отдельное помещение, где они должны были теперь находиться, и два дня не давали воды и не кормили. Было очень странно. Но из этой комнаты нельзя было выходить. На дверях стояла стража и не выпускала наружу. А на просьбу дать воды, отвечали, что нельзя. Это ужасно, когда сильно хочется пить, а тебе не дают.

Через два дня за ними пришли. Йэкуно думал, что наконец-то им дадут воды, но его завели в какое-то помещение. В комнате было несколько людей. Йэкуно обратил внимание, что на столе лежал маленький серповидный нож, а поодаль стояла жаровня и на горящих углях лежала малинового цвета раскаленная металлическая полоса.

Теперь стало очень страшно. Сначала его опустили в горячую перечную ванну. Сильный запах перца лез в глаза и обжигал горло.

Невозможно было передохнуть, а во рту даже слюны не было. От него ничего не требовали, но это было как пытка.

После ванны его стали туго обматывать по бедрам полотном, а потом положили на стол и привязали к столу. Йэкуно увидел, как в руках сидевшего перед ним человека блеснул нож, и ужасная боль заставила мучительно изогнуться его детское тело. Последнее, что осталось в памяти, как этот человек взял с жаровни раскаленное железо. После Йэкуно ничего уже не помнил.

Очнулся он уже в другом помещении. Рядом с ним также без сознания лежали двое его друзей. Он смутно помнил, как в комнату зашли два евнуха, подошли к ним, а потом взяли одного, накрыли его лицо и вынесли. Йэкуно понял, что он мертв. Второй тоже долго мучился, но так и не пришел в себя. Его тоже унесли.

Йэкуно остался один. Все тело кричало от боли. Но хуже было то, что по-прежнему не давали воды. Так было целых три дня. Затем пришел старший евнух, посмотрел на него и сказал, что он будет жить. И вообще это хорошо, что хоть один из трех выжил. Бывает, что никто не выживает.

Страдать ему пришлось еще долго, но молодой организм постепенно справлялся с болью, пока он совсем не выздоровел. Так Йэкуно стал евнухом.

V

Жизнь в гареме сначала казалась такой непонятной. Но понемногу Йэкуно стал понимать требования и распорядки гарема. Первым делом его начали учить грамоте и правилам поведения. Все это необходимо было знать каждому евнуху. Что до учебы, то она давалась Йэкуно легко. Еще в школе в селении он научился сабейскому письму, а здесь его еще учили греческому и еврейскому языку.

Со временем его успехи в учебе стали замечать, что помогало ему продвигаться по службе. Но это никак не скрашивало его одиночества и тоски по дому. Утешением было только то, что Йэкуно познакомился с Сейюмом – пожилым евнухом. Он был одним из его учителей, жизнь которого начиналась таким же образом, как и Йэкуно. По-видимому,

Сейюм видел в этом подростке свою судьбу, что и расположило сердце старого евнуха к совсем молодому. Когда у них была возможность, они где-нибудь уединялись и могли разговаривать на самые разные темы. В какой-то мере, Сейюм заменил Йэкуно родителей. Так и жили.

Йэкуно иногда задавал себе вопросы, на которые сам не мог ответить. Поэтому он стал эти вопросы задавать Сейюму. Вопросов было достаточно много, но все они, как правило, начинались со слова «почему?». Почему пришел голод? Почему родители его продали? Иногда в его вопросах звучала скрытая боль ребенка – почему родители продают детей?

Иногда он задавал своему старому товарищу и такие вопросы: почему в евнухи берут подростков? Один раз даже спросил: а зачем выбирают красивых детей? Некоторые ответы были философскими. Так на вопрос, почему выбирают красивых детей, Сейюм отвечал просто: все любят красивых. Тогда Йэкуно думал, а зачем он родился красивым?

На вопрос же, почему в евнухи стараются брать подростков, старый евнух объяснял: цари и вельможи хорошо понимают опасности для себя. Поэтому, стараются всячески обезопасить себя от всех угроз. Из-за этого в гареме служат только евнухи, чтобы никто из них не имел детей. Да и самому евнуху некуда идти. Он нужен только в гареме.

А подростков берут, потому что: во-первых, подростки легче переносят такие операции, и, во-вторых, у подростков намного меньше самоубийств. Когда евнухом делают уже взрослого человека, то шок от того, что он теперь потерял всю надежду на семью и на будущее, часто приводит к самоубийству. А подростки в силу своего возраста еще не осознают трагедию такого положения и им просто хочется жить. Когда же пройдет время и они начнут понимать ужас своей жизни, то время уже прошло, и они смиряются с тем, что они теперь евнухи, а не полноценные люди.

Так и шла жизнь Йэкуно. Он выполнял свои обязанности и старался это делать прилежно. Только в глубине души, там, где никому не видно, скрывалась глубокая грусть. Кому об этом можно рассказать, и кто способен понять? Кто может понять печаль евнуха? Людям всегда трудно

понимать печали других. Как ценен тот человек, который способен понять другого.

Немногие разговоры с Сейюмом иногда скрашивали его безрадостные будни. Кроме Сейюма Йэкуно сблизился еще с одним евнухом, которого звали Текле. Может быть привлек его к этому товарищу по несчастью одинаковый возраст. Но Текле больше брюзжал и жаловался на несчастливую судьбу.

Так Йэкуно и жил, занимаясь каждодневными делами, которых у него становилось все больше, и загоня в самую глубину своей души глубокую тоску, которую он сам не мог выразить и даже понять.

VI

В любом коллективе так или иначе со временем происходят перемены. Одни люди уходят. Их сменяют другие. Когда умер старый хранитель сокровищ царицы и искали, кем его заменить, выбор пал на Йэкуно. Он был грамотный и ответственно относился к порученным ему делам. Так он стал приближенным к царице.

Царицу звали Ментеваб. Она была Кандакией, матерью царя. Кандакия – это титул цариц-матерей Мeroитского царства. Считалось, что царственный сын так близок к Богу, что не может заниматься никакими земными делами. Поэтому государством управляла его мать.

С самого утра финансовые дела царицы заполняли все его время. Нужно было учитывать и доходы, и расходы гарема и всего царского двора, и еще следить за тем, чтобы богатство самой царицы умножалось. По-видимому, у Йэкуно это получалось хорошо, и царица его ценила.

Он давно уже научился ходить тихо, как и все евнухи. После разрешения тихонько заходил к царице и ждал, когда она обратит на него внимание. А потом спешил выполнять ее распоряжения.

Так и проходила его жизнь. Он везде сопровождал царицу, но окружающий мир мало привлекал его. Все, как будто, проходило мимо него. Его собственный мир замкнулся где-то в глубине него и не делал попыток вырваться наружу. Пока не случилось одно событие.

Как-то, проходя по городу по делам царицы и в сопровождении своих собственных слуг (у Йэкуно, как вельможи царицы, теперь были свои собственные слуги), встретился со свадебной процессией. Он и до этого, бывало, встречал подобные процессии, но не обращал на них особенного внимания.

Сегодняшняя почему-то заставила его остановиться. Привлекла его внимание не сама процессия, а невеста. Точнее, ее лицо. Оно горело огнем также как у Македы, его детской подружки. Вместе с лицом Македы в памяти всплыл ее последний рассказ о посещении молитвенного дома и как кес читал пророка Исаию, а потом говорил о том, что Бог ищет человека. Вспомнил Йэкуно и свой смех, но теперь он уже не смеялся. Горький комок в горле перехватил дыхание и по его лицу проскочила печальная тень. Теперь то, что казалось было стерто в его памяти, вырвалось наружу.

Сегодня Йэкуно снова зашел в покои царицы и, как всегда, тихо ждал распоряжений. Однако царица Ментеваб не стала давать ему никаких приказаний, а только спросила, не хочет ли он, чтобы она как-то его наградила? Может быть он хочет попутешествовать? Он это заслужил.

Йэкуно в растерянности смутился, не зная, что сказать. Как вдруг в памяти снова всплыло лицо подружки Македы и ее последний рассказ. Неожиданно для себя он сказал: если бы царица разрешила ему посетить Иерусалим? Он и сам не понимал, почему вдруг пришла мысль о Иерусалиме. Может быть потому, что вспомнились другие рассказы кеса о царе Соломоне и царице Савской, у которой имя было как у его подружки, или что в книге пророка Исаии говорилось об Иерусалиме?

Выпалив свое неожиданное желание, Йэкуно замер, ожидая ответа царицы. Однако царица, на его удивление, сказала, что позволяет ему эту поездку. Теперь ему, даже если бы он и захотел, уже нельзя было отказаться, и он стал готовиться к дороге. Путь будет долгий и опасный. Поэтому нужны были и слуги, и охрана.

В суете сборов его раз за разом посещал вопрос: почему Иерусалим, и что он там хочет узнать? Йэкуно не мог понять, что ему нужно там делать. В конце концов он решил, что едет в Иерусалимский храм на поклонение. Хотя, в тайне сердца он надеялся получить ответ на свой

самый сокровенный вопрос: знает ли о нем Бог, и нужен ли он, евнух, Богу?

VII

Долгая дорога наконец закончилась, и путники остановились у ворот Иерусалима. Древний и величественный город вызывал восторг. Однако, стоять долго было некогда, нужно было входить в город и искать место для проживания. Хотя для Йэкуно в этом не было проблемы. Его состояние позволяло ему снять любое удобное для него и его слуг помещение.

Расположившись в гостинице, Йэкуно прилег, ожидая утра. Ему никак не хотелось откладывать посещение того места, к которому он так стремился. Всю долгую дорогу он тысячу раз перебирал в уме как он придет к храму, что он там будет делать и что говорить. Одного Йэкуно не мог понять - как он будет говорить с Богом?

И совсем он не мог представить, как выглядит Бог. Кес говорил, что Бога видеть нельзя, и что Бог невидимый. Последнее приводило Йэкуно в недоумение: как же тогда понять, что ему ответит Бог? Он абсолютно не сомневался в том, что он расскажет Богу о своей печальной жизни и спросит Его: почему он, Йэкуно, евнух?

Как ни была утомительна дорога, в эту ночь он долго не мог уснуть. Мысли переполняли его сознание, но он не мог сосредоточиться хоть на одной из них. Когда едва рассвело и шум просыпающегося города стал проникать в гостиницу, Йэкуно готов был уже подняться, но еще немного провел в тишине, как бы стараясь оттянуть встречу, которую он теперь так жаждал, и в то же время так боялся.

Однако, отступать было нельзя, и он в сопровождении нескольких слуг направился к храму. Внутреннее напряжение, казалось, сейчас вырвется наружу, но привычка, выработанная годами службы в гареме, помогала ему сдерживать свои чувства. Поэтому, внешне никто не мог что-то заметить на его лице. Скрытыми были все чувства, мысли и ожидания.

Наконец процессия приблизилась к Храму. Вид Храма, украшенного царем Иродом, был необыкновенный. У Йэкуно сильно застучало сердце. Храм, люди, торжественно поднимающиеся по ступеням и поющие Песни Восхождения, дополняли чудесную картину. Казалось, даже время замерло.

Привел его в чувство голос храмового служителя. Он говорил, что входить в Храм нельзя. Йэкуно сначала не понял, о чем ему говорят. Он подумал, что это может быть одному из слуг нельзя, или всех слуг не пускают, а должен идти дальше только он один? Но страж обращался именно к нему – ему нельзя. Потому, что он евнух.

Как могло такое случиться? Почему несчастье всей его жизни постоянно догоняет его и ему невозможно убежать? Профиль лица Йэкуно заострился, и он сам как бы осунулся. Возмущаться и что-то требовать было бесполезно. Оставалось только поворачиваться и возвращаться назад.

Он стоял и в его руках был свиток – книга пророка Исаии. Йэкуно его перед этим купил. Заплатил дорого. Но его не волновала цена, ему казалось, что это так торжественно – зайти в Храм с книгой пророка. Теперь он держал этот свиток, а в Храм войти не мог.

Храмовая стража отошла. Машинально повернувшись, он медленно пошел назад. Так же медленно и тихо пошли за ним и его слуги. Никто не задавал вопросов. Было понятно, что для вельможи это был тяжкий удар.

Йэкуно не замечал своих шагов. Вдруг снова вспомнилось детство и рассказ его подружки Македы о словах кеса, который говорил, что Бог ищет человека. А потом он вспомнил как ему было смешно от этих слов и как он выкрикивал, что он не потерялся и его не надо искать.

Может быть Бог, над Которым он смеялся, что Он ищет, отвернулся от него? Может быть именно поэтому он и решил, если Бог его не ищет, самому пойти к Нему, к Богу, и поговорить с Ним? А Бог не только не захотел с ним разговаривать, но и в Свой Храм не допустил? Чужой для людей и ненужный Богу.

Теперь он ехал в колеснице и последние события никак не хотели его отпускать. Мысли, сменяя одна другую, непрерывным вихрем стучали в

его голове. В памяти пролетела история детства, а потом и всей жизни, но то, что случилось в Храме, снова и снова заставляло его возвращаться к ним. Чтобы как-то отвлечься, Йэкуно периодически брал в руки свиток – книгу пророка Исаии и пытался читать. Но сосредоточиться на тексте у него никак не получалось.

Так время и тянулось – он перематывал свиток дальше и дальше, останавливался, чтобы что-то прочесть, и снова перематывал, и снова останавливался. Когда уставал, то откладывал его в сторону, но снова почему-то возвращался к нему.

Так продолжалось до тех пор, пока внимание Йэкуно не привлёк текст, который он мог прочитать, но совсем не понимал, о чем идет речь. Это его удивило, и он снова и снова прочитывал этот отрывок, проговаривая вслух каждое слово. Так тогда читали.

Впереди, по бывшей до этого пустой дороге, показался одинокий человек. Было странно, что он шел один. Хотя, впрочем, это не удивило ни слуг, ни Йэкуно – мало ли кому нужно идти там, где обычно не ходят? Да и угрозы одинокий путник не представлял. Поэтому слуги сразу забыли о нем, и сам Йэкуно, посмотрев на него равнодушным взглядом, отвернулся и снова задумался над содержанием странного отрывка.

VIII

Уже совсем стемнело, и усталый Филипп наконец-то вошел в дом. Последние дни до предела были заполнены встречами с людьми, беседами и проповедями. Множество людей с удивительным вниманием слушали его слова о Христе. Все это радовало, но, в то же время, забирало много сил. Теперь нужно было хоть несколько часов отдохнуть.

Едва Филипп лег, как сон овладел им. У него не было сил даже перевернуться с боку на бок. Однако неожиданно сон прервался. Его никто не будил, но он отчетливо увидел Ангела Господня, который сказал ему, чтобы он встал и шел на юг, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу, на ту, которая пустая. Больше Ангел ничего не сказал.

Усталое тело так хотело сна, но привычка слушать голос Божий и готовность повиноваться, возобладала. Филипп с трудом поднялся и

постарался быстрее понять, что от него требуется. Повеление было неотложным и нужно было идти. Рассвет будет еще не скоро и было темно, но идти далеко и затягивать выход не стоило.

У Бога всегда есть люди, которые без лишних вопросов готовы выполнять повеления Божии. Такие христиане очень ценны для Царства Небесного.

На другой день Филипп вышел на эту дорогу. Солнце было уже высоко над головой. Никого не было видно, и он продолжал идти дальше на юг. Прошло немного времени, и позади него из-за холма показалась колесница в сопровождении группы людей. По-видимому, ехал какой-то знатный человек. Больше никого не было видно, и Филипп медленно шел, поджидая, пока колесница не поравняется с ним.

Йэкуно старался понять трудный для него текст и стал, как в детстве, нараспев прочитывать непонятные для него слова: «Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригушим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь»?

Колесница поравнялась с одиноким прохожим, но он его не замечал. Тем более неожиданными были слова путника, который вдруг спросил: тебе понятно?

Йэкуно вздрогнул и не понимая вопроса посмотрел на Филиппа: а ты можешь объяснить? Если можешь, то садись ко мне и рассказывай. Когда путник заговорил, то Йэкуно понял, что странный прохожий действительно знает, о чем написано в непонятном для него тексте.

Йэкуно продолжал внимательно слушать и чувствовал, что его сердце стало вздрагивать, как будто чувствовало, что сегодня он, наверное, сможет получить ответы на мучающие его вопросы. Наконец он спросил Филиппа: а что этот Иисус может сказать мне – евнуху? И замер, ожидая.

После недавних событий у него уже не было сил на что-то еще надеяться. Филипп внимательно смотрел на Йэкуно, а тот также смотрел

на него и в его глазах было столько невысказанной боли. Станный путник показал на свиток и попросил: перемотай еще немного, а потом остановил и сказал: теперь читай.

Измученный жизнью вельможа послушно начал читать, потом остановился и снова начал читать с начала: «Да не говорит евнух: "вот я сухое дерево". Ибо Господь так говорит об евнухах: которые хранят Мои субботы и избирают угодное Мне, и крепко держатся завета Моего, – тем дам Я в доме Моем и в стенах Моих место и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям; дам им вечное имя, которое не истребится». У Йэкуно перехватило дыхание: это правда?

Филипп снова попросил перемотать еще немного и снова сказал: читай. Йэкуно медленно проговаривал слова: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу» и понял, что здесь говорится и о нем. Это он – измученный. Это ему нужна свобода.

Йэкуно спросил Филиппа: это все делает распятый и воскресший Иисус? Тот ответил: да. По щеке евнуха пробежала слеза. Когда-то он смеялся над словами, что Бог ищет человека, потом перестал смеяться, а потом сделал вывод, что он не нужен Богу, как не нужен и людям. Теперь же оказалось, что Бог на самом деле долго искал его и, наконец, нашел. Здесь. На этой пустой дороге. Йэкуно не стеснялся своих слез.

Немного успокоившись, он спросил Филиппа, что же теперь ему нужно делать, потому что он, Йэкуно, теперь хочет служить Иисусу? Тот сказал, что всякий, желающий служить Иисусу, должен принять крещение. Потому что крещение – это исповедание веры в Иисуса.

За поворотом показался небольшой пруд, но Йэкуно все еще не верилось, что и у него может быть радость жизни и он переспросил: а евнуху можно принимать крещение? Филипп ответил: если веруешь от всего сердца, то можно. Евнух торопливо, словно боясь, что Филипп откажет ему, волнуясь произнес: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий.

Слуги с удивлением наблюдали за своим хозяином. Таким они его еще не видели. Вельможа так увлекся беседой и проник таким уважением

к этому странному путнику, что ничего и никого не замечал вокруг. По-видимому, этот разговор был очень важен для него. И если они раньше не проявляли никакого интереса к этому прохожему, то сейчас напряженно прислушивались к беседе.

Дальше произошло еще более неожиданное - вельможа повелел остановить колесницу и попросил Филиппа крестить его. Они вдвоем шли к воде, но Йэкуно казалось, что он в каком-то сне и этот сон вдруг прервется грубым возгласом: «Евнух! Тебе нельзя!». Исчезло это чувство только тогда, когда стали заходить в пруд и он ощутил прохладу воды.

Филипп уже много раз преподавал крещение, но сегодня он был в каком-то особенно волнующем состоянии. Положив руку на грудь евнуха и подняв вторую, он торжественно спросил: «Веруешь в Господа Иисуса Христа, Сына Божьего?». Никогда еще Филипп не слышал такого ликующего голоса: «Верую!», как воскликнул Йэкуно. Этот возглас летел и летел над водой, над долиной, все дальше и дальше. До самых небес.

IX

Йэкуно вышел из воды и шел к колеснице. Голова у него кружилась от неизмеримого счастья. Он повернулся, чтобы попросить Филиппа вместе с ним ехать дальше, но того рядом не было и вообще его нигде не было видно. Может быть, в другой ситуации это бы огорчило Йэкуно, но сейчас он абсолютно не расстроился. Теперь он понимал, что Филипп – это Божий посланник к нему, Йэкуно, и он выполнил свое назначение. Теперь Филипп может быть в другом месте также выполняет поручения Иисуса.

Йэкуно стал торопиться. Нужно было скорее вернуться домой. Там был старый друг Сейюм, который устал нести тяжесть печальной участи евнуха; нужно успеть рассказать Текле, пока тот не принял решение свести счеты с опостылевшей ему жизнью; нужно было поделиться радостью об Иисусе со многими несчастными и измученными не только в гареме, но и в столице, и во многих селениях.

Впервые за многие годы Йэкуно уже не чувствовал себя отторженным от общества евнухом. Он понял, что тоже может служить Иисусу. Также

как Филипп. Йэкуно смотрел вперед и видел тех людей, которым он будет говорить об Иисусе.

Х

Христианство решительно шагнуло на Африканский континент.

Нагирняк Михаил Павлович, пресвитер, пастор церкви евангельских христиан-баптистов. Начинал свое пасторское служение в церкви ЕХБ «Пробуждение» г. Енакиево, Донецкой области. В дальнейшем совершал служение в церкви «Голгофа» г. Енакиево. Кроме этого, принимал участие в работе Областного Объединения ЕХБ Донецкой области сначала в качестве члена Пресвитерского Совета и Исполнительного Секретаря Объединения, а затем Заместителя Старшего Пресвитера. Магистр церковного служения.

В настоящее время проживает в селе Гениевка Харьковской области, где автор вынужден находиться как странник и пришелец.